

Память и судьбы

Иду по Ростовской улице, которая заканчивается у старого рынка. Вот и дома №№ 38, 40, 42, 44 и 46. Впрочем, 38-го и 42-го, где жили Сафоновы и Ваня-инвалид, который любил носить шляпу, уже нет — их снесли. И вдруг — словно светлое пятно в памяти...

Из окна дома № 46 по пояс высунулся красивый русский парень, Алёша Ширяев, и кричит соседу-ровеснику:

— Колька! Пойдём купаться на озеро. Жарища...

— Сейчас. Возьму грабли и зайду за Ваней Ивановым.

Душное, грибное лето, середина июля 1941 года. Молодёжь вечерами пропадала на Подозёрке. Как давно (57 лет прошло) и как недавно всё это было. Память зовёт туда, в прошлое...

Захожу во двор дома № 44. Вот место, где стояла лавочка. Поздний летний вечер. Сидят ребята и девочки. Мы, мелюзга, поодаль. Разговаривают тихо, ни взрывов хохота, ни шуток. Началась война с фашистами. Медкомиссия пройдена, повестки на руках. А ведь ещё не любили, не целовались. Чистые, прекрасные ребята, с которых мы брали пример. Они отправляются на фронт, большинству нет ещё и восемнадцати. В армии не служили. В апреле 1941-го призвали рождённых в 1922-ом. А до 1940 года на кадровую службу брали с 21 года. Но сейчас другое, грозное время.

Сколько ребят было в наших и елисеевских дворах? Много. Несколько десятков. И только единицы вернулись домой — инвалидами, больными, ранеными. Долго они не жили в послевоенные трудные годы. Большинство из этих ребят в первые месяцы войны попали в десантные войска, лыжные диверсионные группы и пали смертью храбрых под Вязьмой, на заснеженных полях Подмосковья...

Но пока — июль 41-го. Вдруг всех сидящих во дворе окружает милиция. Погружают на ЗиС и везут в отделение. Утром отпускают домой. Военная пора, а за разговорами мы забыли о комендантском часе, который наступал с 22:00.

...А память всё не отпускает. Как мы, пацаны, завидовали им! Давно многих нет в живых. Нет в живых и их родителей, которые испили горькую чашу — получение «похоронки». А стоят, как живые, перед моими глазами: отец Лёши — дядя Шура Ширяев, литейщик фабрики «Красное эхо». В этот ряд, на правый фланг, по праву встанет и мать Лёши — тётя Катя Ширяева, вагранщица, ковавшая победу в горячем цеху вместо ушедших на фронт мужчин. Отец Коли Пилёзина — дядя Коля, рабочий той же фабрики, дядя Леонтий и тётя Матрёна Ивановы, родители Вани. В ряд с ними встают братья Сафоновы, братья Андреевы. Из елисеевских домов — Саша Рудаков, Алёша Королёв, Юра Кабанов, Валентин Денисов, с Трудового переулка — Сергей Талалёв, Саша Коробов, Валя Шабанов, Валя Каплин. Некоторые из них умерли дома, только единицы живы и сейчас. Но они — по праву в этом строю. Всех не запомнил — простите, солдаты...

Ваня Иванов со своими друзьями на фронт не попал — заболел малярией. Призвали его позже. И попал он поначалу в Гороховецкие лагеря, под Горьким. Было там трудно, главное — голодно. Да и болезнь не отпускала. Иногда наведывался домой подкормиться. Добирался — где пешком, где на перекладных.

В начале 1942 года попросился добровольцем на фронт. Просьбу его удовлетворили. Но сначала послали учиться в Саранск. Получив на петлицы кубарь, попал в боевую гвардей-

скую часть. Воевал. Стал командиром роты, старшим лейтенантом. А нужно иметь в виду, что он скрывал факт, что у него от рождения плохо действовала левая рука.

И вот уже — выход на границу с Германией. На снимке, который перед вами (он сделан 5 декабря 1944 года), как раз это время. А вот и слова из его последнего «треугольничка»: «Идём на штурм жизненно важного опорного пункта на территории Германии». Это было начало января 45-го года. А 19 января пришла в семью «похоронка». Долго его сестра Маша скрывала её от матери, но мать поняла сердцем... И больше уж не бежала к воротам навстречу почтальону.

Саша Кóробов, их ровесник (1923 года рождения), в конце года тоже заболел малярией (тогда она свирепствовала в городе, я и сам болел: пил хину, трясло жутко) и в эту партию мобилизованных не попал. Хотя медкомиссию проходил вместе со всеми.

Переславцы старшего поколения помнят, что первым военным летом по переславским улицам гордо гарцевали парни на лошадях — на стадионе шло формирование будущей воинской части. Около месяца мы, пацаны, пропадали там и жадно следили за полувоенной жизнью этого «табора». Ночевали городские ребята дома, остальные — в палатках, на стадионе. Мои друзья строили планы, как бы сбежать из дому и бить фрицев с этой «командой». Но планы наши были порушены в одночасье. В один из дней, утром, придя на стадион, мы обнаружили лишь мусор и остатки ещё горячих костров. Пусто. Наша надежда и мечта испарилась в неизвестном направлении. С командой уехал и Саша Коробов.

Он вспоминает, что ехали в сторону Ярославля по булыжной мостовой на пароконных подводах и верхом, с подушками вместо седел. Ночевали под открытым небом. Миновали Ростов, Ярославль. Двигались быстрым маршем. И вот город Буй. Там всех переодели в «бэу», выдали обмотки и распределили по родам войск. Саша попал в сапёрную часть. Несколько месяцев их учили. Всё постигали на практических занятиях. Затем — фронт. Со своей частью он прошёл до Берлина. Был ранен, контужен. Награждён орденами, медалями. Иногда бывал на волосок от смерти. Вернулся домой через шесть с половиной лет...

На вопрос, что же помогало им, совсем неопытным, зелёным юнцам выжить, особенно в первые дни войны, отвечал: «Помогали военные игры в „синих“ и „красных“ в пионерских лагерях и ещё фильм „Чапаев“. На него все мы ходили по десятку раз — все ждали, когда же Василий Иванович выплывет из реки Урал. Не дождались... Но действиям при пулёмётном огне противника теоретически, зрительно научились».

И ещё, конечно, помогла этим ребятам военная и физкультурная подготовка, которую преподавали в школе опытные учителя.

Сейчас Саша Коробов инвалид...

Таковы судьбы людей в военное лихолетье. И это всего лишь несколько примеров из нашего небольшого городка. Вечная память погибшим! А живым — самое актуальное сейчас пожелание — здоровья! Здоровья вам, красноармейцы второй мировой...

Вроде не к дате написано. Но происходило всё это 57 лет тому назад, в такие же июньские, июльские, августовские дни. Тема памяти, как и сама память, всегда, я думаю, к месту...